

Ю. И. СЕМЕНОВ

Персоналии в словарях и словари персоналий

Необходимое условие успешной работы ученого — знание всего, что сделано в данной области как предшественниками, так и современниками. Превращение совокупности ученых, работающих в той или иной области науки, в подлинно научное сообщество предполагает знание их друг о друге. И здесь без словарей персоналий не обойтись. Без знания того, кто есть кто в данной научной дисциплине, ее развитие будет весьма затруднено.

К сожалению, в области общественных наук справочники типа «Кто есть кто» и вообще словари персоналий были у нас крайне редким явлением. В поисках сведений приходилось обращаться к общим справочникам: Большой советской энциклопедии, Малой советской энциклопедии, Большому энциклопедическому словарю и т. п. С прошлым там обстояло более или менее благополучно, а с современностью было гораздо хуже. Очень часто в словари попадали фамилии людей, которые были известны не столько научными заслугами, сколько высокими постами или угождением большому и не очень большому начальству. При этом первое отнюдь не исключало второго. Несколько лучше было с персоналиями современников в тематических энциклопедиях и словарях. Так, в словник «Философской энциклопедии» (тт. 1—5. М.: Советская энциклопедия, 1960—1970) включены все доктора философских наук. Конечно, этим не гарантировалась научная объективность. Были кандидаты наук, которые стоили многих докторов, и были доктора философских наук (а также академики и члены-корреспонденты по отделению философии и права), которые вообще ничего не стоили. Все же полный произвол таким образом был исключен. Значительно больше субъективизма проявлено при составлении словника персоналий «Советской исторической энциклопедии» (т. 1—16. М.: Советская энциклопедия, 1961—1976). Из докторов исторических наук была отобрана только определенная часть.

Лучше обстояло дело в «Библиографическом словаре отечественных востоковедов с 1917 года» (М., 1975, 1977), единственном вышедшем в те годы словаре персоналий обществоведов. Туда были включены без учета регалий почти все специалисты, работавшие в области востоковедения после 1917 года. В «Философском энциклопедическом словаре» (М.: Советская энциклопедия, 1986; 2-е изд., 1989. 815 с.) число персоналий современных отечественных исследователей было весьма ограниченным.

В 1990 году в Издательстве политической литературы вышел словарь «Современная западная социология» (М., 1990. 432 с), а в следующем — «Современная западная философия» (М., 1991. 414 с). И в том, и в другом помещено много небольших, но хорошо составленных и снабженных библиографией персоналий как ушедших, так и ныне живущих исследователей, разумеется, только западных.

Семенов Юрий Иванович — доктор исторических наук, профессор Московского физико-технологического института, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

В 1990 году появилась книга «Кто есть кто в перестройке. Справочник» (М.: Вся Москва, 1990. 203 с). В 1993 году увидел свет справочник «Кто есть кто в России и в ближнем зарубежье» (М.: Новое время, Все для вас, 1993. 783 с). И в тот, и в другой были включены среди прочих и некоторые люди, числящиеся по разряду «общественные науки». Однако фамилии были подобраны не столько с учетом вклада в науку, сколько участия в текущей жизни страны. Там оказались, например, Д. Волкогонов и А. Яковлев. Но хотя первый числился членом-корреспондентом Российской Академии наук, а второй является ее действительным членом, ни к одной из наук реального отношения они не имеют. Ни один из написанных ими трудов не является научным. Недаром трилогия Волкогонова «Вожди» была удостоена премии по разряду искусства и литературы: произведение литературы всегда предполагает художественный вымысел. Правда, художественного в трудах Волкогонова мало, зато вымысла, особенно в двухтомнике «Ленин», в изобилии.

В 1994 году был переведен с английского языка и издан в России справочник «Кто есть кто в России и в бывшем СССР. Выдающиеся личности бывшего Советского Союза, России и эмиграции» (М.: Терра — Terra, 1994. 673 с), содержащий более 6 тыс. персоналий, в том числе ученых-обществоведов и философов. В целом замысел был неплох. Но, к сожалению, словарные статьи написаны языком, имеющим весьма отдаленное отношение к русскому. А самое печальное — они содержат поразительное число неточностей и нелепостей. Что касается философов и обществоведов, в их персоналиях либо вовсе отсутствует библиография, либо она крайне неполна.

За последние годы в области гуманитарных наук положение стало меняться в лучшую сторону. Появились профессионально ориентированные справочники типа «Кто есть кто». В 1994 году в Москве в издательстве «Индрик» вышла книга «Российские фольклористы. Справочник» (206 с.), содержащая имена 625 ученых, которые в настоящее время работают в данной области. Кроме именного, он включает несколько дополнительных указателей, позволяющих быстро ориентироваться. Однако с библиографией дело обстоит плохо: приведены списки работ лишь семи ученых.

В 1995 году Московский центр Карнеги и Ассоциация исследователей российского общества XX века выпустили справочник «Кто есть кто в изучении народов и национальных проблем России» (М., 1995. 358 с), в котором содержатся краткие библиографические справки об ученых и списки их работ по данной тематике.

В том же году увидело свет второе издание «Библиографического словаря отечественных востоковедов с 1917 г.» (М.: Наука, 1995). Словарь, по сравнению с первым изданием, увеличился. Теперь это два огромных тома: соответственно, 701 с. и 763 с. Нельзя не отдать должное составителю С. Миллибанд, которая проделала поистине титаническую работу. В словарь включены не только собственно востоковеды, но и люди, которые, не будучи ориенталистами, публиковали труды по данной тематике. Но несмотря на всю тщательность работы составителя, некоторые важные имена все же пропущены. Так, почему-то не оказались персоналии крупнейшего отечественного этнографа С. Вайнштейна, автора таких фундаментальных трудов, как «Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства» (М., 1972), «История народного искусства Тувы» (М., 1974), «Мир кочевников центра Азии» (М., 1991), которые, несомненно, являются не только этнологическими, но и востоковедными.

Особенно много за последнее время вышло философских словарей. Одни включают в себя персоналии, другие целиком состоят из персоналий. Среди первых — «Краткая философская энциклопедия» (М.: Прогресс, 1994. 575 с). «Главное,—подчеркивали ее составители,—что отличает эту Энциклопедию от ее аналогов, выходящих в свет в России в последние 75 лет,—это беспристрастный и объективный подход ко всем рассматриваемым вопросам, суть которого в том,

что коль скоро существуют самые разные теории, то задача авторов и издателей лишь изложить их» (с. 3).

Составители, таким образом, выступают против того, что принято именовать партийностью, идеологизацией, политизацией. Если понимать под партийностью принятие к сердцу интересов тех или иных социальных групп либо приверженность к тем или иным течениям общественной, в том числе философской, мысли, то она неизбежна. И с этим приходится считаться. Но с чем нельзя мириться, так это с извращением картины реальности, с замалчиванием одних ее сторон и выпячиванием других, с искажением взглядов идейных противников и т. п. Это уже не просто партийность, а партийная пристрастность, партийная ангажированность. До 1985 года партийной пристрастности было у нас хоть отбавляй. Не все извращения действительности только из-за личных пристрастий. Многие делали это из страха перед начальством или из стремления ему угодить.

С партийностью бороться бесполезно. Но стремиться к беспристрастности и объективности можно и нужно. В этом смысле намерения составителей «Краткой философской энциклопедии» можно только приветствовать. Но о людях судят не по их словам, а по делам. Благими пожеланиями, как говорят, вымощена дорога в ад. Так вот, переходя от слов к делу, составители энциклопедии проявляют такую партийную ангажированность, перед которой бледнеет пристрастность авторов подобных изданий советской поры. Например, вообще отсутствуют персоналии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина.

Один из героев М. Салтыкова-Щедрина делил факты на три категории: 1) факты подходящие, 2) факты неподходящие и 3) такие факты, которые как бы и не факты совсем. Очевидно, составители энциклопедии отнесли существование и деятельность основоположников марксизма к последней категории. Но для истории философской мысли факты, которые они проигнорировали, немаловажны.

В западной науке давно признано огромное значение марксистских идей в истории философской и социально-философской мысли. Достаточно сослаться хотя бы на одно из высказываний З. Бжезинского. Последний — ярый антикоммунист, но антикоммунизм не лишил его (в отличие от наших доморожденных антикоммунистов) способности мыслить здраво и объективно. «Марксизм, — писал он, — представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой... Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, так же как и руководство действием, вытекающим из этого изучения» [1]. К этому можно добавить слова другого столь же непреклонного антикоммуниста и антимарксиста К. Поппера: «Возвращение к домарксистской общественной науке уже немислимо. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, являются должниками Маркса, даже если они этого не сознают» [2].

Вплоть до 1985 года существовали запретные имена. С середины 30-х годов ни в одном словаре не могли появиться персоналии Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Л. Каменева, Н. Бухарина. Что же касается истории философии, то даже в самые тяжелые времена немислимо было появление словаря, в котором отсутствовали бы персоналии Пифагора, Сократа, Платона, Марка Аврелия, Блаженного Августина, Фомы Аквинского, Д. Беркли, Д. Юма, Ф. Ницше. Составители «Краткой философской энциклопедии» утверждают, что прежде русскому читателю дозволялось знакомиться лишь с философией революционных демократов, да, пожалуй, еще П. Чаадаева и некоторых других, а вот в их справочнике наконец-то (можно понять, что впервые) нашлось место и для русских религиозных философов. Но достаточно обратиться к уже упоминавшейся «Философской энциклопедии», чтобы убедиться в том, что там есть персоналии Н. Бердяева, С. Булгакова, Вл. Соловьева, П. Флоренского и многих других русских религиозных мыслителей. Статьи о них имелись в различного рода философских словарях, рассчитанных на самую широкую публику, в том числе учащихся.

Подобного рода идеологические пируэты не могли остаться незамеченными. В результате все появившиеся отзывы на рассматриваемую энциклопедию были резко отрицательными. Уничтожающей критике она была подвергнута во всех периодических изданиях, причем не только в левых, коммунистических или прокоммунистических, но и в правых, антикоммунистических.

1995 год был урожайным: кроме двух упомянутых выше справочных изданий (востоковедного и этнополитологического), появились сразу четыре философских словаря. Первый носит название «Русская философия. Малый энциклопедический словарь» (М.: Наука, 1995. 624 с.). Из почти 450 статей, помещенных в нем, около 320 — персоналии. Но тщетно специалист по философии стал бы искать там сведения о своих коллегах. Ни один из ныне живущих российских философов в него не включен. Составители, видимо, считали, что так спокойнее. Словарь отличается не меньшей партийной ангажированностью, чем рассмотренная выше энциклопедия. Все включенные в словарь философы четко делятся на «наших» и «не наших». Первые превозносятся, вторые поносятся.

В отличие от «Краткой философской энциклопедии» в данный словарь включена статья о Ленине. Очень любопытно посмотреть, как она написана. Примерно треть статьи посвящена изложению биографии и перечню основных ленинских работ, имеющих отношение к философии. Остальные две трети — формально критика, а фактически — грубая антиленинская агитка, не имеющая никакого отношения к науке. Автор проявляет такую удивительную безграмотность в вопросах философии, что оторопь берет.

Не лучше и другие статьи, посвященные философии марксизма, — «Диалектический материализм» и «Исторический материализм». Как утверждает автор статьи о Ленине, отношение марксистов к своим идейным противникам всегда «оборачивается грубой бранью, изощренной руганью, не лишенной истерического привкуса» (с. 304). Насколько прав автор по отношению к марксистам, можно спорить, но совершенно бесспорно, что это в значительной степени может быть отнесено и к нему самому и полностью — к авторам двух указанных выше статей. Статья о диалектическом материализме завершается категорическим утверждением, что «его кончина была бесславной и незаметной: от него отвернулись с пренебрежением, без особых споров и упреков, и это «передовое учение» рассыпалось как изветшавший и безжизненный дом» (с. 165). Если речь идет о псевдомарксистской дребедени, которая преподносилась в СССР под видом диалектического материализма, то автор во многом прав. Но если он имеет в виду подлинный марксистский материализм, остается только перефразировать известное высказывание Марка Твена. Когда журналисты обратились к нему с просьбой прокомментировать сообщение о его собственной смерти, он ответил, что слухи о ней несколько преувеличены. Марксистскую философию хоронили не раз, и, судя по всему, заниматься этим будут еще долго. Статья об историческом материализме любопытна лишь вопиющей безграмотностью автора, который имеет весьма отдаленное представление о реальном материалистическом понимании истории. Впрочем, не исключено и намеренное введение в заблуждение. Автор объявляет материалистическое понимание истории мифом. Он категорически утверждает, что исторический материализм не способен выполнять задачи научного объяснения социальных процессов. По-видимому, ему совершенно не известно, что материалистическое понимание истории привлекает к себе все большее внимание западных ученых-обществоведов. Если взять только те области — науки, которые мне лучше знакомы — история первобытного и предклассового общества, этнология (социальная антропология), археология, — то лишь за последние 20 лет на Западе опубликовано несколько десятков монографий и сборников (не говоря уже о массе статей в периодических изданиях), посвященных использованию исторического материализма в этих науках.

Работ подобного рода в западной науке так много, что в известнейшем международном справочном издании «Ежегодные обзоры антропологии» (Пало Альто)

уже появились две обобщающие статьи: «Марксистский подход в антропологии» (т. 4, 1975) и «Материалистический подход к предыстории» (т. 13, 1984), содержащие обширнейшую библиографию (подробнее об этом см. [3]).

Но если «не наши» философы и философские концепции подвергаются в словаре поношению, то статьи о «наших» полны безудержной апологетики. При этом авторы не только замалчивают те или иные «не подходящие» факты, но и прямо отрицают их. Так, в статье о Д. Мережковском безапелляционно утверждается: «Мережковский был противником всех форм тоталитаризма. Его философия духовной свободы как основы Царства Божия на Земле делала для него невозможным сотрудничество с большевизмом или нацизмом» (с. 342).

С большевиками Мережковский действительно не сотрудничал. Однако ни для кого не составляет тайны, что Мережковский ездил на поклон к Б. Муссолини и получал от него деньги, а затем поддерживал дружественные связи с нацистами (см. [4]). И напрасно автор статьи возмущается тем, что «после освобождения Парижа в дом Мережковских явилось несколько вооруженных людей» (с. 342, 343). Понять французских патриотов можно: хотя сам Мережковский умер еще в 1941 году, его дом и в последующие годы служил притоном коллаборационистов.

Книга «Сто русских философов. Биографический словарь» (М.: Мирта, 1995. 319 с), как и следует из названия, состоит из персоналий. И опять-таки, как и в справочнике «Русская философия», в ней нет ныне живущих российских философов. Одни лишь покойники, да и то очень выборочно. В словаре нет персоналий русских философов марксистского направления. Причины совершенно понятны. Но любопытно теоретическое обоснование: русские философы-марксисты не включены потому, что не являются «русскими» философами. Ведь философская концепция, которой они следуют, возникла не в России, а на Западе и была распространена по всему миру.

Такая забота о российской философской самобытности просто умилительна. Представим, какое удивление вызвал бы словарь персоналий, скажем, русских физиков, из которого были бы исключены все ученые, придерживающиеся теорий, созданных А. Эйнштейном, Н. Бором, В. Гейзенбергом, П. Дираком и т. п., а оставлены лишь самобытные русские концепции. Впрочем, сходные попытки были. Вспомним об арийской физике в нацистской Германии, о материалистической теории быстрых движений, призванной заменить теорию относительности Эйнштейна, о передовой советской мичуринской науке о наследственности, противостоящей растленной буржуазной генетике.

Могут сказать, что философия — не физика. Это, конечно, верно. Но способна ли философия раскрывать и раскрывает ли объективную истину? Если нет, тогда все на месте: главное — самобытность. Философия — игрушка, которую каждый мастерит по-своему. Еще лучше принять ироническое определение философии, данное в свое время В. Дубиславом: философия — злоупотребление терминами, специально придуманными для этой цели. Но если философия способна раскрывать и раскрывает объективную истину, то она — наука и требует к себе отношения как к науке. Тогда важна истинность, а не национальная самобытность. Конечно, приведенное в словаре обоснование рассчитано на простаков. Ведь торжественное заявление о самобытности ни в малейшей степени не помешало поместить в нем персоналии русских философов, которые были последователями Г. В. Лейбница, И. Канта, Г. Гегеля, Г. Гуссерля и т. п. И здесь стремление выгородить «своих». Например, в статье о Б. Вышеславцеве утверждается, что после оккупации Франции немцами он эмигрировал в Швейцарию. В действительности же он уехал туда после поражения фашистов, поскольку ему грозил суд за тесное сотрудничество с ними [4].

В книге «Русская философия. Словарь.» (М.: Республика, 1995. 655 с), как и в двух рассмотренных выше, нет персоналий ныне живущих философов, зато она содержит немало статей о русских мыслителях, не исключая марксистов, которые в большинстве своем отличаются объективностью. Достаточно беспристрастна и статья о Ленине: ни апологетики, ни анафемы.

Последним по счету, но отнюдь не по своей научной значимости является словарь «Философы России XIX-XX столетий. Биографии. Идеи. Труды» (М.: Книга и бизнес, 1995). Это второе издание книги, вышедшей под тем же названием и в том же издательстве в 1993 году. Это словарь только персоналий, причем в отличие от трех названных выше книг в него включены статьи и о ныне живущих философах. Более того, персоналии наших современников и коллег — основная часть книги. По ней вполне можно разобраться, кто есть кто в современном сообществе российских философов. По сравнению с первым изданием (221 с), словарь значительно расширен (751 с.) Включено значительное количество новых имен философов как из числа ушедших из жизни, так и наших современников. Шире представлены ученые, которые не были философами по своей основной специальности, но труды которых имеют философский интерес. Доработаны или написаны заново многие статьи, входившие в первое издание. В значительном ряде случаев сухие библиографические справки заменены содержательным изложением идей и концепций тех или иных мыслителей, включая современных.

Составители словаря провозгласили в качестве основного принципа гуманистический универсализм, предполагающий объективность и беспристрастность. И это не только декларация. Конечно, в отдельных статьях имеются спорные суждения, но в подборе персоналий сформулированные принципы выдержаны достаточно последовательно. А сделать это было не просто.

Нужно было бороться против предпринимавшихся с разных сторон попыток внедрить в словарь партийные критерии, преодолевать мощное давление со стороны разных сил. «Иногда, — говорилось в предисловии к первому изданию, — редколлегия сталкивалась с особой ситуацией: некоторые философы отказывались передавать о себе сведения по так называемым партийным соображениям, считая для себя невозможным находиться в одном ряду с «буржуазными» либо «большевистско-чекистскими» философами» (с. 5). И в этих условиях редколлегия и главный редактор П. Алексеев сумели устоять. В результате подготовлено не просто великолепное, а поистине уникальное справочное издание. Ведь до сих пор в отечественной философской литературе не было даже отдаленно похожего. Нашей философской науке наконец-то повезло. Появление этой замечательной книги будет способствовать развитию отечественной философской мысли.

Сказанное отнюдь не означает, что в книге нет недостатков. В отдельных статьях есть отступления от объективности, иногда существенные. В качестве примера можно привести статью о Л. Гумилеве. Автор, захлебываясь от восторга, говорит о его замечательных открытиях и великом философско-историческом учении. «Необходимо отметить, — говорится в заключение, — что научные работы Гумилева долгое время замалчивались, он подвергался многолетним нападкам со стороны «официальных» этнографов и историков» (с. 165).

Прежде всего автор вступает в противоречие с самим собой. Ведь если труды Гумилева подвергались многолетним нападкам в печати, то, значит, они не замалчивались. Но главное — автор стремится создать впечатление, что если идеи Гумилева не принимались профессиональными историками и этнографами, то причина состояла или в приверженности последних господствующей идеологии, в их консерватизме, или в страхе перед идеологическим начальством.

На самом же деле все обстояло иначе. Идеи Гумилева не разделялись и сейчас не разделяются специалистами в области этнографии и истории потому и только потому, что находятся в противоречии с фактами. В восторг они приводят дилетантов и невежд. И умолчание о работах Гумилева в трудах некоторых ученых связано с тем, что их можно было только критиковать, но никак не хвалить. Гумилев был гоним властями. В этих условиях публично продемонстрировать несостоятельность концепций Гумилева означало присоединиться к гонителям. Для многих ученых это исключено по чисто этическим соображениям.

Впрочем, отмеченные недочеты не снижают высокой оценки справочника «Философы России XIX—XX столетий». Он может послужить образцом того,

нужно подходить к составлению словаря персоналий. Хотелось бы надеяться, что редколлегия продолжит свой самоотверженный труд, столь нужный нашей философской науке.

Как видно из обзора, с персоналиями ныне живущих исследователей-обществоведов дело у нас обстоит далеко не лучшим образом. Более или менее благополучно положение, пожалуй, лишь в области философии и востоковедения. Плохо с персоналиями историков, исключая ориенталистов, а также этнографов (хотя некоторые из них и попали в «Библиографический словарь отечественных востоковедов»), социологов (хотя персоналии некоторых помещены в справочнике «Философы России XIX—XX столетий»), политологов, экономистов, филологов и др. И здесь нужны срочные меры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brzezinski Z.* Between Two Ages. Amerika's Role in the Technotronic Era. New York, 1971.
2. *Попнер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 98.
3. *Семенов Ю. И.* Материалистическое понимание истории: недавнее прошлое, настоящее, будущее // Новая и новейшая история. 1996. № 3.
4. *Яновский В. С.* Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 127—129 и др.

© Ю. Семенов, 1997